

Владимир Евгеньевич Жаботинский

Edmée

Владимир ЖАБОТИНСКИЙ

Edmée

«Public Domain»

1912

Жаботинский В. Е.

Edmée / В. Е. Жаботинский — «Public Domain», 1912

«— Восток? Он совершенно чужд моей душе. Вот вам живое опровержение ваших теорий о расе, о голосе крови. Я рожден западником, несмотря на предательскую форму носа. Однажды, впрочем, и я рискнул заглянуть на Восток. Может быть, тут и сыграло некоторую мимолетную роль обиженное расовое чувство. Вы знаете, у нас в Германии еще сильны некоторые предрассудки. Без ложной скромности могу сказать, что я давно заслужил кафедру; полагаю, что и ваши русские специалисты слыхали о моих трудах по анатомии. Я связан тесной дружбой с профессорами университета в нашем городе и знаю, что они с живейшим удовольствием приветствовали бы меня в своей среде. Но прусское министерство имеет свои пути и средства влияния, против которых бессильна академическая автономия. Доцентуру я мог бы получить, но согласитесь — в мои годы, с моим именем, это прямо неловко...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Владимир Жаботинский

Edmée

(Рассказ пожилого доктора)

– Восток? Он совершенно чужд моей душе. Вот вам живое опровержение ваших теорий о расе, о голосе крови. Я рожден западником, несмотря на предательскую форму носа. Однажды, впрочем, и я рискнул заглянуть на Восток. Может быть, тут и сыграло некоторую мимолетную роль обиженное расовое чувство. Вы знаете, у нас в Германии еще сильны некоторые предрассудки. Без ложной скромности могу сказать, что я давно заслужил кафедру; полагаю, что и ваши русские специалисты слыхали о моих трудах по анатомии. Я связан тесной дружбой с профессорами университета в нашем городе и знаю, что они с живейшим удовольствием приветствовали бы меня в своей среде. Но прусское министерство имеет свои пути и средства влияния, против которых бессильна академическая автономия. Доцентуру я мог бы получить, но согласитесь – в мои годы, с моим именем, это прямо неловко. Друзья в Берлине пробовали хлопотать, но им дали понять, что это преждевременно. Я был очень огорчен, до того, что работа валилась из рук. Вы поверите, надеюсь, что при моей практике я не нуждаюсь в выгодах государственной службы: я холост, братья и сестры имеют свои средства, а на мой век хватит с меня и денег, и почета без этой кафедры. Но все-таки я был очень огорчен. Вы спросите: но ведь есть простое средство?.. На это я вам скажу: ваших предрассудков я не разделяю, с религией и общиной давно порвал все связи, но есть вещи, которые мне эстетически противны. Оставалось одно: примириться. Так я и сделал, а чтобы развлечься – поехал на Восток. Повторяю, возможно, что в выборе этого места отдохновения сыграл некоторую роль бессознательный протест расового чувства. Вы меня обидели, так вот же вам, назло вам еду в родную сторону моей расы. Однако же далеко я не поехал, а удовольствовался Константинополем.

Тут я и убедился, что душа моя – душа западника. Рискаю показаться вам человеком без чувства прекрасного, рискаю даже худшим – что вы меня заподозрите в желании оригинальничать, – я вам должен признаться, что Константинополь мне совершенно не понравился. Начиная с прославленного Босфора. Я не выношу этой яркости, этого солнца, которое не знает нюансов и полутеней, которое мажет грубыми крикливыми красками, словно деревенский маляр. Уверяю вас, что наш Гарц или Шварцвальд изобилуют видами, которые гораздо красивее Босфора и Золотого Рога. Наше солнце утонченнее, деликатнее, *plus distingue*¹, рассчитано на более благородный вкус. О самом городе нечего и говорить. Я ничего не имею против извилистых и гористых переулков, они представляют главную прелесть многих очаровательных старинных городов нашего германского юга, но при этом нужна ну хоть какая ни есть архитектура, стиль, тон. Переулки Стамбула по-моему просто безобразны. Со мною ходил по городу один художник и очень восхищался, но я в глубине души думаю, что это было из снобизма. А толпа! Шумная, пестрая толпа есть и в Италии, но там она всегда благородна, сохраняет и в разнообразии красок, и в гамме известное прирожденное чувство меры, никогда не превращается в то, что видишь на Востоке – в какую-то хроническую свалку воющих людей, одетых в дико окрашенные тряпки. Нет, я и в эстетике западник, европеец. Эта закваска во мне так сильна, что даже романтическое приключение, которое я там пережил, посвящено было дочери Запада и проникнуто западной мечтательностью – *von einem Hauch westlicher Schwärmerei*².

Ибо вы должны знать, что я там пережил и романтическое приключение, несмотря на свои пятьдесят два года, социальное положение и малую привычку к дамскому обществу.

¹ более расположенное, более приятное – *фр.*

² от этого аромата западных грез – *нем.*

Правда, это был чрезвычайно невинный роман; переживая это приключение, я даже не подозревал его романтического оттенка, и понял это лишь после развязки.

Я поселился на Принцевых островах³. В сущности, жить по-человечески в Константинополе можно только в роскошных отелях Терапии и Буюк-Дере, потому что там много европейцев, мало туземцев и почти совсем не пахнет Константинополем. Но одна беда: все эти места лежат на Босфоре, и главной их прелестью считается вид на Босфор, а я вам сказал, что этот отвратительный пролив со своим морем, размалеванным в синее, и берегами, размалеванными в зеленое, был мне нестерпим. Я поселился на Принкипо⁴

³ 9 островов, расположенных в Мраморном море близ Стамбула.

⁴ один из Принцевых островов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.